

Я.В. Васильков

МОМЕНТ РАЗРЫВА: О ПРИЧИНЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ Г.С. ЛЕБЕДЕВА ВЛАСТЯМИ КОЛОНИАЛЬНОЙ КАЛЬКУТТЫ

Автор ставит целью доказать, что непосредственной причиной преследования Г. Лебедева колониальными властями явилась третья сцена второго акта в представлении пьесы «Притворство» 21 марта 1796 г. Это единственная сцена в пьесе, которая не была переведена Лебедевым на бенгальский и шла на английском языке, поскольку ее действие происходило в адвокатской конторе. Присутствовавшими на спектакле англичанами, среди которых было немало юристов, эта сцена была не без оснований воспринята как издевательство над британской колониальной юстицией.

Ключевые слова: Герасим Лебедев, индийский театр, Ост-Индская компания, Калькутта, Азиатское общество, колониализм, антиколониализм.

В статье мы постараемся дать ответ на один вопрос: чем был вызван внезапный, резкий переворот в отношении британской элиты города Калькутты к Лебедеву, последовавший сразу за вторым представлением полного трехактного варианта пьесы «Притворство» в его «Бенгальском театре» 21 марта 1796 г.? Еще недавно высшие чины колониальной администрации, судьи Верховного суда и других судебных инстанций, высокопоставленные военные, руководители мasonicкой общины и многие другие покровительствовали русскому музыканту, помогая ему заработать немалое состояние, газеты писали о нем хвалебные рецензии. Теперь же, когда он, разоренный подосланным к нему мошенником Джозефом Бэттлом¹, попытался

¹ Дж. Бэттл, художник-декоратор и актер в английском «Калькуттском театре» явился к Г.С. Лебедеву, сообщив ему, что поссорился с управляющим театром Томасом Роувортом, и предложил свое сотрудничество в разных областях. Лебедев доверился ему настолько, что сделал его своим компаньоном. Бэттл начал готовить декорации к новому спектаклю — музыкальной драме П.А. Монсиньи «Дезертир». Он также нанял несколько актрис-англичанок и разного рода работников для театра; все они получили значительных размеров авансы. Накануне спектакля, на который уже были проданы по подписке билеты, Бэттл испортил все декорации и исчез, нанятые им актрисы и работники сбежали. Кроме того, к Лебедеву обратились кредиторы Бэттла с требованием оплатить долги его «компаньюна».

восстановить справедливость через суд, имея на руках все документы, свидетельствующие о его правоте, ни один из многочисленных его недавних знакомых-юристов не взялся за дело, причем отказывали ему, по-видимому, в оскорбительной форме. Позднее Лебедеву начали приходиться вызовы в суды по ложным искам, его даже арестовывали, и, хотя всякий раз он доказывал свою невиновность, его разорили, вынудили продать театр и довели до отчаяния.

Лебедев объясняет

В своих письмах, разосланных высокопоставленным бывшим прокровителям сразу после того, как Бэттл, разорив его, вернулся к своему приятелю, управляющему английского «Калькутского театра» Томасу Роуворту², Лебедев обвинял в своем разорении исключительно Бэттла, лишь завуалированно указывая на Роуворта [РИО 1965: 426]. Это неудивительно, поскольку «Калькутским театром» на паях владели видные чиновники Ост-Индской компании [Ямпольский 1973: 253], включая, возможно, и некоторых адресатов писем Лебедева. Год спустя в своем «Меморандуме», адресованном культурной общественности Калькутты, Лебедев объяснял причину своих несчастий по-разному. Здесь он уже прямо обвинял менеджера и «некоторых из владельцев»³ английского театра в том, что они затеяли интригу для устранения конкурента и подослали к нему Бэттла [РИО 1965: 434, 437]. Однако Хаят Мамуд в своей книге справедливо показал, что даже если менеджер театра Ост-Индской компании Т. Роуворт был в прошлом агентом британской секретной службы и, возможно, сохранял в Калькутте связи с этой организацией, у него все равно не было возможности сделать так,

² Как нам удалось установить, Дж. Бэттл и ранее выступал в роли провокатора в интриге против человека, которого Т. Роуворт считал своим врагом и пытался (тщетно) через суд отправить в тюрьму. Об этом свидетельствует отчет в калькуттской газете «The World» от 21 июля 1792 г. (№ XLI) о судебном заседании по делу «Мистер Роуворт против Уильяма Дуэйна».

³ Позже, в письме от 8 мая 1797 г. о. А.А. Самборскому Г.С. Лебедев прямо назвал ту роль, которую сыграли в интриге против него «некоторые из владельцев» «Калькутского театра»: они распространили ложный слух о якобы имевшем место разрыве Дж. Бэттла с Т. Роувортом: «Притворная о ссоре весть распущена была теми, кои с ним (Роувортом. — Я.В.) подговорены, кои от дохода театрального имеют доли (курсив мой. — Я.В.)» [РИО 1965: 446].

чтобы все суды, в которые обращался Лебедев, отказали ему под надуманными предложениями в возбуждении дела. Не мог Роуворт также организовать позднее вызовы Лебедева в суды по многочисленным ложным искам. Хаят Мамуд, очевидно, прав, когда пишет, что Роуворт был лишь орудием, что вся эта разветвленная, сложная интрига могла быть инициирована и организована только на самой верхушке колониальной администрации [Мамуд 2012: 139–140, 152–153]. Недавно опубликованные документы — письма Лебедева И.Ф. Крузенштерну [Васильков 2012] вполне подтверждают это предположение Х. Мамуда.

В письме из Калькутты от 23 июля 1797 г. русскому послу в Лондоне графу С.Р. Воронцову Лебедев писал, что он ограблен и разорен «по зависти промышленников театральных» и в то же время что его притесняют и на него клеветают по причине его превосходства над британскими «переводчиками» в знании индийских языков [Антонова 1956: 176–177].

В том же «Меморандуме» Лебедев предлагал и другое объяснение тому, что британская элита Калькутты внезапно его отвергла. Он пишет, что пользовался покровительством многих влиятельных лиц в то время, когда давал концерты и уроки музыки. Однако, когда он стал заниматься также изучением языков и театром, он не смог, по его словам, «*посещать своих друзей столь же часто, как раньше. Это настолько сильно оскорбило некоторых любителей музыки, что заставило их оказывать всестороннее противодействие моим намерениям во всех делах, которыми я впоследствии занимался*» (курсив мой. — Я.В.) [РИО 1965: 432, 436].

Это объяснение уже совсем несерьезно. Складывается впечатление, что Лебедев в «Меморандуме», обращенном к британским жителям города, старался скрыть истинную причину, по которой общественное мнение британской Калькутты обратилось против него. Только в одном документе на русском языке — в письме к А.А. Самборскому от 8 мая 1797 г. он об этой причине упоминает, вскользь, обещая когда-нибудь рассказать толком, в чем дело. Он пишет: «21 марта 1796 года та же комедия “Притворство” в трех полных актах представлена была во второй раз. И безпристрастными нелицемерно все опять хоша и было зрителями похвалено, только промышленниками сего рода вскоре дано было знать, что за

сие учащая гиндостанския языки и переводчики весьма на меня сердиты, да и не без причины, о которой, однако ж, буду говорить во удобнейшее время» (курсив мой. — Я.В.) [РИО 1965: 446].

Причина в содержании спектакля?

Значит, что-то именно в представлении 21 марта вызвало неудовольствие англичан. И первыми, кто выразил это неудовольствие, были «учащие гиндостанские языки и переводчики». Иными словами, те немногие европейцы, которые единственно и могли не просто подивиться экзотическому представлению, адресованному главным образом «азиатским жителям Калькутты», но и компетентно оценить владение Лебедева бенгальским и хиндустани, а также его труд переводчика. Кроме того, он хотел, по его словам, «дать угодной случай учащимся европейцам чрез общение с гиндостанцами лучше научиться бенгальскому, шанскритскому и другим индостанским языкам» [РИО 1965: 429]. Лебедев, переняв от своих бенгальских учителей специфическое местное произношение санскритизмов, ошибочно полагал, что санскрит вообще должен звучать именно так, а изучающие «шанскритский» язык англичане, которых до своей безвременной кончины в 1794 г. возглавлял знаменитый Уильям Джонс, глубоко заблуждаются, считая правильным североиндийское произношение. Хотя свое письмо генерал-губернатору Джону Шору, ставшему после смерти Джонса председателем Азиатского общества, с предложением обсудить проблемы санскритского произношения на одном из заседаний Лебедев, по совету друзей, не отправил, взгляды его, несомненно, были известны в Калькутте. Возможно, и в поставленной им пьесе Лебедев не упустил случая продемонстрировать так или иначе правильное, по его мнению, произношение санскритских слов, не исключено, что это могло не понравиться индологам-британцам. Но это никак не могло послужить поводом к столь жестокой и тщательно организованной травле директора «Бенгальского театра».

Задачей исследования было выяснить, что же все-таки в переводе пьесы и в ее сценическом воплощении могло вызвать единодушное возмущение калькуттской элиты и колониальной администрации?

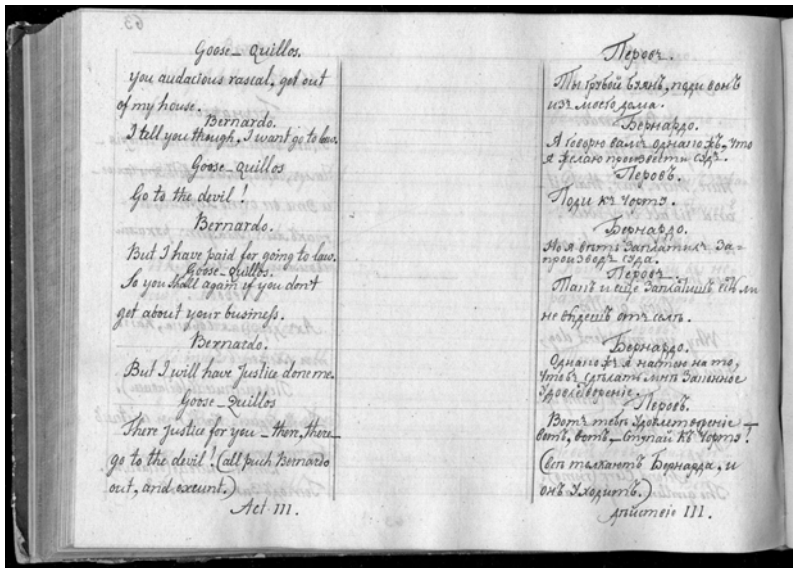

Рис. 1. Финал сцены в адвокатской конторе.
Рукопись пьесы «Притворство». РНБ. Ф. 7. Ед. хр. № 79

Dramatic Person	অপেক্ষার লোক	Действующая Лица.
Men	Келарь পূৰ্বশিখা	Мужчины.
Don Luis (disguis'd as Don Antonio).	প্রাণনাথ বাবু ব্রহ্মাণ্ডে বাবু	Донъ Луисъ (притворно называющийся Донъ Антонио).
Bernardo, his Servant.	বাম শব্দে শিব শিবলাল, দ্বিতীয় ডাক্তার	Бернардо, его слуга.
Goose quillos, an Attorney.	গমজা বালোতা	Петровъ, Братъши.
Carra and } two apasims	হুঁ হুঁনিয়া আই কিসিয়া	Рыбаловъ и Обиваловъ } два мошенника.
Savoyard - Musician.	পূৰ্বশিখা লুইস কান্	Савояръдъ - Музыкантъ.
Host.	সংজ্ঞা-ও শিবলাল ও শিবলাল	Комаръ (портмантъ).
Tradesmen and Attorney's Clerks.	লানানগর লোক তার আকিমেব গাতি শাওরার লাই অর এমিলেব পাতি	Портовыи и писари.
Women.	বেগ মাগজিকা মায় মায়	Женщины.
Clara (disguis'd as Don Pedro).	শিবলাল সংক বতি	Клара (притворно называвшаяся Донъ Педро).
Beatrice, her maid.	বিক্রম বতি, দ্বিতীয় ডাক্তার বঙ্গ মনি	Бeatрикса, ее служанка.
Ursula (a Duenna disguis'd as a man servant).	বঙ্গ মনি	Урсула (старая мадридалейшица душная въ дѣлѣхъ и въ плетѣхъ).
Two Savoyard Girls.	হুঁ কাণ আই কান্	Два дѣтви Савояръди.

* কেলার-লৌব, ইনি বেগুণ বতি
ইতিম বতি.

Рис. 2. Список действующих лиц в петербургской рукописи
«Притворства». РНБ. Ф. 7. Ед. хр. № 79

В нашем распоряжении оказалась электронная копия анонимно изданного сборника пьес Ричарда Пола Джодрелла⁴ “Select Dramatic Pieces” (Лондон, 1787), содержащего пьесу “The Disguise”. Оригинал книги хранится в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне. Не вызывает сомнения, что Лебедев переводил текст пьесы, почерпнутый именно из этого издания. К такому выводу нас приводит сопоставление печатного текста Р. Джодрелла с лебедевской рукописью «Притворства», хранящейся в Российской национальной библиотеке. Она содержит оригинальный текст Джодрелла, лебедевский перевод на бенгальский с кириллической транскрипцией и его же перевод на русский — в три столбика. Английский текст в “Select Dramatic Pieces” совпадает полностью с английским текстом в рукописи Лебедева, если не считать ошибок или описок последнего.

Перевод Лебедева был, однако, в некоторой степени переводом-переделкой. В этом он следовал сложившейся в России традиции: большинство русских пьес XVIII в. в той или иной мере использовали прием «склонения на русские нравы», т.е. переводили или пересказывали иноземную пьесу, переносили действие из европейских стран в Россию, давали персонажам русские имена, а иногда и существенно перестраивали все действие (см., например: [Топоров 1989; Дерюгин 1995; Гуськов 1999]). Лебедев столь далеко не заходил. Он просто перенес действие пьесы из Испании (Севилья, Мадрид) в Британскую Индию (Калькутта, Лакхнау), а также дал героям индийские имена: герой, Дон Луис, стал Бхолонатом Бабу, его слуга Бернардо получил имя Рам Шонтош. Отчасти Лебедев переложил действие пьесы «на индийские нравы». И это произвело эффект, которого, может быть, он сам не ожидал. Если англичан, зрителей и читателей пьесы Джодрелла, забавляло описание услов-

⁴ Сомнение Х. Мамуда в авторстве Р.П. Джодрелла и его предположение о том, что автором этих пьес, включая “The Disguise”, мог быть некий «М. Джодрелл», лишены серьезных оснований. Написание имени автора как “M. Joddrell” в программе представления трехактной пьесы, было следствием недоразумения. Лебедев обычно писал «Mr» (сокращение от Mister) в виде буквы «М» с приставленным к ней мельчайшим г в верхнем регистре («М’»). Наборщик, по-видимому, не разглядел этого значка и принял «М» за инициал личного имени. Современники нисколько не сомневались в авторстве анонимного сборника: они надписывали на экземплярах книги имя автора от руки. А историки английской литературы всегда приводили этот сборник в перечне основных сочинений Р.П. Джодрелла.

ной Испании (страны, традиционно враждебной Англии), где по улицам разгуливают воры и наемные убийцы, где царит коррупция, адвокаты беззастенчиво грабят своих клиентов, то совсем другая реакция была у тех же англичан («учащих языки и переводчиков»), когда они видели в пьесе Лебедева все это происходящим в городах Британской Индии.

Сцена в адвокатской конторе

Пьеса, представленная в театре Лебедева в марте 1796 г., шла на трех языках. Герои говорят в основном на бенгали, в одной сцене, первой во втором акте — на хиндустани. Но одна сцена (третья, последняя во втором акте) шла на английском. Лебедев ее оставил без перевода. Содержанию этой сцены до сих пор уделялось мало внимания даже бенгальскими учеными, которые в основном занимались именно лебедевским переводом «Притворства». Сказалось здесь, вероятно, то, что долгое время индийские исследователи располагали только бенгальским текстом «Притворства» по московской рукописи (РГАЛИ, ф. 195, оп. 6076), который издал в 1963 г. Модонмохон Гошшами. Об этой версии перевода Х. Мамуд на одной из страниц своей книги [Мамуд 2012: 327] пишет, что в ней опущен достаточно крупный фрагмент в начале третьей сцены второго акта, а на другой странице [Мамуд 2012: 329] — что эта сцена удалена целиком. Х. Мамуд, впервые опубликовавший в Индии бенгальский текст «ленинградской» рукописи «Притворства», считал, что она содержит первоначальный перевод Лебедевым пьесы Джордrelла, выполненный им в Калькутте, а «московская» рукопись — это текст, отредактированный Лебедевым в процессе подготовки к представлению 21 марта 1796 г. Я же склонен скорее согласиться с В.С. Воробьевым-Десятовским в том, что «ленинградская» рукопись (РНБ, ф. 7, ед. хр. № 79) изготовлена им уже по возвращении на родину, в Санкт-Петербурге, но представляет собой первоначальный, хотя, может быть, в чем-то улучшенный, текст перевода. Что же касается «московской» рукописи, то в ней отражена редакция, не предназначавшаяся для представления, а осуществленная после него и, как я постараюсь показать, с совершенно иной целью. В любом случае ясно, что из спектакля 21 марта 1796 г. интересующая нас сцена никак не могла быть исключена, поскольку в от-

печатанной типографским способом программе (по-видимому, для зрителей-англичан, не владевших индийскими языками) Лебедев, во-первых, оговорил, что третья сцена второго акта будет идти на английском [Антонова 1956: 180; Sakrabarti 1989: 29], а во-вторых, дал краткое описание составляющих эту сцену событий.

На английском в этой сцене говорили по той простой причине, что ее действие происходило в конторе юриста. Ведь юристами (lawyers), как и клерками при них, могли быть только англичане. Индийцев к этому не допускали, да и образования соответствующего у них не было. К.А. Антонова, прекрасно знакомая с «московской» рукописью, видела действующими в этой сцене, кроме индийца-клиента, пришедшего оформить иск, именно англичан. По ее словам, «одну сцену, в адвокатской конторе, Лебедев не перевел, очевидно, потому, что процедуре и терминам английского суда невозможно тогда было найти соответствия в бенгальском языке, а может быть, и для того, чтобы подчеркнуть, что нормы английского суда чужды индийскому населению Калькутты» [Антонова 1956: 159].

Несмотря на то что юристами в адвокатской конторе могли быть только англичане, играли их у Лебедева индийцы, у него тогда не было английских актеров. Это создавало, с одной стороны, комический эффект, учитывая, как индийские актеры могли воспроизводить манеры англичан, их мимику, да и английскую речь. С другой же стороны, это открывало для актеров-индийцев возможность придать всей сцене сатирический характер, откровенно выразить в ней свое отношение к системе колониальной юстиции.

Что же происходит в этой сцене? Комический персонаж, Рам Шонтош, слуга героя-любownika Бхолоната Бабу, был страшно оскорблен. Он доставил одной девице, сомнительного поведения и бешеного нрава, письмо, в котором Бхолонатх Бабу сообщал ей, что он более не желает поддерживать с ней прежних любовных отношений. Девица, придя в ярость, велела слугам выбросить Рам Шонтоша на улицу через окно, а кроме того вылить на него ночной горшок. Рам Шонтош переполнен жадой мести и наконец идет в контору юриста (lawyer, в русском переводе — «стряпчий»).

Сцена открывается картиной того, как два клерка, сидя за своими столами в конторе, в отсутствие хозяина, валяют дурака, бездельни-

чают. Входит с прогулки юрист. У Джодрелла он был Goose-Quillos («испанизация» английского goose-quill — «гусиное перо»), у Лебедева в русском переводе — «господин Перов». Он говорит клеркам: мне показалось, мол, что я слышал шум, но ведь это не вы, ребята, вы сидите тихо, молодцы. Так работайте же усердно, служите закону! Клерки ему поддакивают, а как только он уходит в свой кабинет, начинают петь песню: «And who cares a fig for law?» — «Да кому есть дело до закона?». У Лебедева: «Да сохраняет ли кто его, хотя на маковое зерно!» Сразу явлены лицемерие и цинизм этих молодых «законников».

Появляется Рам Шонтош. К нему выходит «господин Перов»⁵. Рам Шонтош заявляет, что его жестоко оскорбили и он хочет подать на обидчиков в суд. Реакция юриста: «О, это прекрасно!» Рам Шонтош пытается объяснить суть дела, но «Перов», не давая ему открыть рот: «Постой, приятель! Прежде чем завести дело, надо соблюсти одну церемонию». «Я бы предпочел без церемоний». «Перов», протягивая руку: «Нет-нет, эта церемония поддерживает закон. Коротко говоря, вы должны мне заплатить». «Как, заплатить раньше обращения в суд?». «Да, конечно. Никто никогда не обращается в суд, прежде не заплатив». Рам Шонтош дает ему золотую монету. «Перов» затем начинает нести околесицу, заговаривая зубы клиенту, призывая его к краткости, но не давая ему при этом объяснить, что с ним случилось. Когда Рам Шонтош все же сообщает, что его выбросили из окна, «Перов» приходит в восторг: «О, это прекрасно! Это действительно серьезное преступление. Это будет уголовное дело, и это прекрасно. Но, как благоразумный человек, Вы должны понять: уголовное дело дороже гражданского. Поэтому вы должны дать мне еще один золотой — и все будет прекрасно». Затем «Перов» спрашивает, есть ли у Рам Шонтоша свидетели? «Их целый город». «О, это прекрасно! Однако закон предписывает на этом этапе задать Вам один важный вопрос: какой суммой Вы располагаете?» «Четыре золотых». «Прекрасно! Покажите их мне» — выхватывает

⁵ Мы здесь используем имя этого персонажа в русском переводе Лебедева, так как в спектакле на бенгальском он имени не имел. В списке действующих лиц на программке спектакля, в московской и петербургской рукописях «Притворства» этот персонаж обозначен лишь термином, указывающим на род его занятий (подробнее об этом см. далее).

деньги у Рам Шонтоша. «Этого хватит как раз заплатить четверем свидетелям». «Да зачем же свидетелям платить?» «Чтобы они под присягой подтвердили: у Вас переломаны все кости». «Но у меня все кости целы...» Разговор затем становится совершенно абсурдным, Рам Шонтош никак не может (ему не дают) разъяснить, что произошло, и он, наконец, приходит в бешенство: «Так Вы не понимаете? Ни Вы, ни Вы? Так вот в чем дело — вот, вот, вот — и это просто прекрасно, не так ли?» С этими словами Рам Шонтош, как можно понять, каждому из них проводит пятерней по физиономии (ремарка в английском тексте Р. Джодрелла: “Rubbing his arm over their faces”; в русском переводе Лебедева: «Мажет руками своими их лица»)⁶.

Это вызывает, разумеется, ответную реакцию: «Перов» кричит: «Ах, дерзкая собака, как ты смеешь!» Клерки, вскакивая из-за своих столов, восклицают: первый — «Да, сударь, как ты смеешь бесчестить...», и второй заключает — «...господ законников!» «Перов» велит «грубому буяну» убираться вон. Тщетно Рам Шонтош пытается напомнить им, что он заплатил им немалые деньги, в русском переводе Лебедева: «Так я веть заплатил за производ суда». «Так и еще заплатишь, есть ли не выдешь от сель» — отвечает ему «законник». Рам Шонтош грозитя, что он добьется «законного удовлетворения» (у Джодрелла просто: «I will have justice done me»). Ответ «Перова»: «Вот тебе удовлетворение: вот, вот... Ступай к черту!», и он вместе с клерками совместными усилиями выталкивают клиента на улицу.

Попытки смягчить конфликт: «гомаста»

Г.С. Лебедев, по всей вероятности, предчувствовал, что реакция на эту сцену, в которой англичане или хотя бы даже «англизированные» индийцы — представители британского правосудия — грабят и выгоняют индийского клиента, при том что он и сам поднимает на них руку, может быть очень резкой. Он принял заранее меры к тому,

⁶ Нанесение оскорбления посредством такого рода рукоприкладства — касания ладонью лица оскорбляемого — было, по-видимому, практикой, хорошо знакомой англичанам. В упоминавшемся ранее газетном отчете по делу 1792 г. «Роуворт против Дуэйна» (см. примеч. 2) ответчик обвинялся (с полным основанием) в том, что он несколько раз хватал истца и буквально пытался водить его за нос.

чтобы затушевать суть происходящего. В напечатанной типографским способом программке спектакля на английском языке он среди прочих действующих лиц называет персонажа, фигурирующего у Джодрелла как *Goose-Quillos*, не по имени, а определяет его по роду занятий индийским термином *gomasta*. Однако семантика этого термина совершенно не совпадает со значениями английского *attorney* или русского (в переводе Лебедева) «стряпчий». *Гомаста* (также *гомастха* или *гумастха*) — слово персидского происхождения, обозначавшее туземного агента Ост-Индской компании, посредничавшего в скупке у местных ткачей изделий из хлопка и шелка, пользовавшихся в Европе огромным спросом. *Гомаста* обладал правом оценивать ткани и, как правило, злоупотреблял им, скупая у ткачей их изделия по цене, намного ниже рыночной. К тем производителям, которые отказывались заключать невыгодные для них контракты, применялись террористические методы, вплоть до убийств. У нас нет сведений о том, что *гомаста* имел право возбуждать уголовные дела, возглавлял юридическую контору, содержал при себе клерков, вел все дела на английском и т.д. Лебедев пытался таким способом отвести от себя обвинения в нападках на британское правосудие, но явно неудачно, поскольку присутствовавшие на представлении британцы, а особенно «учащая гиндостанския языки», об основном роде занятий которых будет сказано ниже, хорошо знали разницу между *гомастой* и профессиональным юристом.

Примечательно, что в списке действующих лиц, предворяющем текст петербургской рукописи «Притворства», которая переписывалась уже без оглядки на возможную реакцию британцев, Лебедев определяет этого персонажа двумя словами в характерном бенгальском произношении: «*гомашта* или *опиль*». Второе слово — без сомнения, *opīl*, т.е. общеиндийское *apīl*, которое, согласно известному «англо-индийскому» словарю «Хобсон-Джобсон», есть заимствованное английское *appeal*. Это слово уже в XIX и, по-видимому, в XVIII в. широко применялось индийцами по отношению к введенной британцами судебной системе [Yule, Burnell 1996: 32] в значении «обращение за юридической помощью», «ходатайство о возбуждении судебного дела», и, как ясно из лебедевского контекста, тот юридический агент, к которому обращаются в соответствующих случаях (англ. *attorney*).

Есть и прямое указание, что Лебедев в программке второго представления пьесы маскировал термином *gomasta* именно юриста, к которому обращаются для возбуждения уголовного дела. Излагая далее краткое содержание пьесы, третью сцену второго акта он описывает следующим образом:

После краткого разговора между адвокатом и его писцами входит Рам Шонтош и начинает излагать свое дело. После нескольких его смешных замечаний адвокат и писцы его выгоняют [Антонова 1956: 182].

Здесь Лебедев умышленно искажает суть происходящего в сцене: причина конфликта ведь не в каких-то «смешных замечаниях» Рам Шантоша, а в том, что его ограбили, да еще морочат голову, и он возмущен. Может быть, Лебедев и убрал из текста какие-нибудь наиболее резкие высказывания перед самым представлением, но отказаться от демонстрации склонности «господ законников» к вымогательству, подкупу свидетелей и обману он никак не мог, поскольку, во-первых, у него явно была настоятельная личная потребность высказаться об этом и, во-вторых, подвергшись преследованиям, он попытался избегнуть их, разъяря калькуттской элите, что именно побудило его показать в своем спектакле и работу юстиции, и другие стороны жизни Британской Индии в столь мрачном свете. Чуть ниже мы продемонстрируем и то и другое на тексте лебедевского «Меморандума».

Наконец, в предисловии к своей «Грамматике» Лебедев, рассказывает о переводе им двух пьес Джодрелла и замечает, что он выбрал эти пьесы для перевода, потому что они полны всяких забавных и колоритных фигур, в том числе воров (“*thiefs, ghoonia*”), юристов (“*lawyers, gumosta*”), и «мелких грабителей» (“*petty plunderers*”), а это, как он знал по опыту, должно понравиться индийской публике [Lebedeff 1801: VI]. Примечательно, конечно, то, в какой компании упоминаются здесь юристы. Интересно и то, что Лебедев приводит здесь слово *gumosta* как бенгальский эквивалент английского lawyer. Это наводит на мысль: возможно, бенгальцы, в ту пору еще не знакомые с английской юридической терминологией, переносили на юриста, адвоката, как ходатая по делам, посредника в их отношениях с судебной властью, термин *гомаста*, поскольку тот играл

сходную роль агента-посредника, хотя и в другой — торговой сфере. В этом случае ясно, почему Лебедев переводит в тексте пьесы lawyer или attorney словом *gomoshta*, но в программе спектакля, предназначенной для зрителей-англичан, заменив понятный им английский термин на дезориентирующее *gomasta*, он мог преследовать лишь одну цель: внушить им, что действующие в третьей сцене второго акта юристы — не англичане.

«Учащая гиндостанския языки» и «законники» — одно

Тем не менее одна конкретная группа зрителей-британцев не просто поняла, что содержанием третьей сцены второго акта является издевательство над британской юстицией, но и испытывала в связи с этим особое негодование. И это были те самые «учащая гиндостанския языки и переводчики». Потому что индийская филология была не их основным, а побочным занятием. Большинство из них прибыло в Индию по приглашению генерал-губернатора Уоррена Хейстингса (Hastings, в русских изданиях часто: Гастингс; 1732–1818) — человека, хотя и проводившего политику беззастенчивого колониального ограбления подвластных и захватываемых территорий, но, безусловно, просвещенного и стремившегося к достижению определенного взаимопонимания между британцами и индийцами. Он хотел распространить среди англичан знание местных языков и культуры. Одним из первых его шагов в должности губернатора Бенгалии (с 1772; с 1774 по 1784 — генерал-губернатор) было инициирование реформы судебной системы: он считал, что английские судьи должны учитывать при принятии решений местные законы, для чего при каждом английском судье должны находиться *моулави* — толкователь шариата и *пандит* — толкователь законов индуизма [Антонова 1958: 110]. Но английских судей необходимо было обеспечить некими справочниками, сводами местных законов в переводе с санскрита или фарси, чтобы они могли по ним убедиться в обоснованности мнения моулави и пандитов или, напротив, найти основания отвергнуть его. Поэтому У. Хейстингс целенаправленно призывал на службу в Ост-Индской компании и в колониальной администрации, прежде всего в судебной системе, высокообразованных людей, владевших восточными языками или расположенных к их изучению.

В октябре 1774 г. в Калькутту прибыли судьи новоучрежденного Верховного суда (Supreme Court), в их числе Роберт Чэмберс (1737–1803) и Джон Хайд. Оба в 1784 г. стали отцами-основателями Азиатского общества Бенгалии, возглавленного только что прибывшим новым судьей Верховного суда и в то же время выдающимся филологом Уильямом Джонсом. Сэр Роберт Чэмберс, занявший в 1777 г. должность главного судьи, сыграл, как признают современные исследователи (см., напр.: [Curley 1998]), главную роль в создании новой, англо-индийской судебной системы. Восточных законоучительных текстов он сам не переводил, однако собрал большую коллекцию санскритских рукописей, а в 1797 г., после смерти У. Джонса и недолгого президентства генерал-губернатора Джона Шора, был избран президентом Азиатского общества. У. Хейстингс организовал работу группы пандитов, составивших свод санскритских текстов⁷, которые затем через посредство бенгальского устного перевода были переведены на фарси. Работу по переводу с персидского на английский он поручил в 1773 г. служащему компании Натэниэлу Брэсси Халхэду, а также, зная фарси, участвовал в ней сам. Плод этих трудов был издан три года спустя в Лондоне [A Code of Gentoos Laws 1776]. Позднее, уже при сменившем Хейстингса генерал-губернаторе Корнуоллисе, по инициативе Уильяма Джонса был подготовлен другой такого же рода дайджест, составленный и прокомментированный на санскрите пандитом Джаганнатхом Таркапанчананой, а затем переведенный на английский служащим налогового управления компании, впоследствии судьей и председателем Апелляционного суда, членом Азиатского общества Генри Кольбруком [A Digest of Hindu Law 1801]. Младший брат Роберта Чэмберса, Уильям, лингвистически одаренный и тоже член Азиатского общества, занимал с 1775 г. должность главного переводчика (в основном с персидского) при Верховном суде.

В списках членов Азиатского общества можно найти и других лиц, причастных к отправлению правосудия и юриспруденции: например сэр Джон Ройдс, более двадцати лет прослуживший судьей Верховного суда и все это время состоявший в Азиатском обществе, а в 1815 г. ставший его вице-президентом; Бёрриш Крип — судья

⁷ Он был озаглавлен *Vivādārṇavaseta* — «Мост через море судебных прений».

в суде Бенгальской провинции, которого Лебедев до известного времени числил одним из своих благодетелей [РИО 1965: 432; Мамуд 2012: 117, 411, 418]; Сэмьюэл Дэвис, окружной судья и представитель генерал-губернатора в Бенаресе; Джон Харрингтон, член Налогового управления, владевший арабским и персидским языками, с 1801 г. — судья в высших апелляционных судах *садр дивани адалат* и *садр низамат адалат* (см. о них: [Синха, Банерджи 1954: 322]). Вообще в Индии со времен Моголов существовала тесная связь между сбором налогов и судопроизводством, поэтому к числу «законников» можно отнести и тех членов Азиатского общества, которые служили в Налоговом управлении или являлись членами Комитета по налогам, например исследователь могольской налоговой системы, написавший книгу о ней, Чарльз Грант, Ричард Джонсон — сверхштатный сотрудник Налогового управления, владевший персидским и изучавший индийскую музыку, или Джон Шор, служивший в налоговых органах до того, как стать членом Верховного совета, ведая в нем секретной службой, а позднее занявший пост генерал-губернатора и избранный президентом Азиатского общества. Все эти люди, точнее, те из них, кто присутствовали на спектакле «Бенгальского театра», должны были быть в шоке от третьей сцены второго акта.

Попытки смягчить конфликт: «Меморандум»

Лебедев, очевидно, сознавал, что главной причиной внезапной враждебности к нему со стороны британской элиты Калькутты является реакция англичан («учащих гиндостанские языки») на определенные сцены поставленного им спектакля. Иначе зачем бы ему понадобилось в «Меморандуме», не ограничиваясь жалобами на коварную интригу Бэттла и на отказ британских юристов привлечь к ответственности его обидчиков, объяснить, как бы оправдываясь, почему он избрал для перевода пьесу фарсового характера.

Из наблюдений за индийцами я знаю, что они предпочитают шутовство и высмеивание серьезному глубокому содержанию, насколько чисто оно бы ни было выражено⁸. Вот почему я остановился на этих пьесах,

⁸ Далее в этом же тексте Лебедев подчеркивает, что при переработке пьесы Джорелла он сообразовывался со вкусами индийской аудитории: «Когда работа над

в которых представлен великолепный набор стражей (*чокидаров*), савояров (*канера*), воров (*схунна*), а также законников и почтенной банды мелких грабителей, сопутствуемых мелким своекорыстным писцом очень мелкого суда; он бесстыдно прикрывается девизом «совесть» лишь для того, чтобы утаить свои повседневные грабежи и прочие неслыханные дьявольские насилия, (совершаемые) вместе с неизвестным скрывающимся организатором всей этой ужасной машины, более гнусной, чем смертоносная повозка ночью в Венеции для тех, кому злой рок сулит встречу с ее клыками. Впрочем, испытывая страшное отвращение к этой, казалось бы, преувеличенной, но по существу верной картине *какодемона*⁹, я постараюсь поправить свои расстроенные чувства, вернувшись к более приятному предмету [РИО 1965: 433] (перевод мой. — Я.В.).

Это один из тех неожиданных прорывов в лебедевских текстах, которые ярославская исследовательница М.Г. Ваняшова назвала «экзистенциальными признаниями». Лебедев, по ее словам, действительно испытывал страшное отвращение к этой «картине *какодемона* бенгальской действительности». Поэтому «интерпретация сюжета Лебедевым становится пророческой и символической», «он предвидит, что вскоре сам столкнется с беспримерным Притворством и “дьявольскими гнусностями” и для него откроется потаенный механизм драматической интриги» [Ваняшова 2010: 43]. А может быть, добавлю я, у него и до того, как он начал работать над пьесой, уже был случай столкнуться с тем, что творилось, в частности, в судебной системе колониальной Бенгалии.

Свой «Меморандум» Лебедев не дописал и, разумеется, никому не послал. Он, по-видимому, перечитал написанное и вовремя понял, что этим текстом может сделать слишком явным свое истинное отношение к колониальной системе и ее «правосудию». Ведь уже в самом первом абзаце «Меморандума», говоря о своем при-

переводом была закончена, я пригласил нескольких ученых пандитов, которые несколько раз очень внимательно изучили мой труд. У меня появилась возможность увидеть, какие фразы им больше всего понравились и что их взволновало. Если я не льщу себе, при переводе комичные и серьезные картины стали еще ярче» [РИО 1965: 433].

⁹ У Лебедева — “a Saco-demon”; по-видимому, английская трансформация греческого *какодаймон* — «злой дух».

бытии в Мадрас в 1785 г., он весьма резко высказывается о правящем в этой провинции «тучном Кабинетском совете, которому однажды надоело довольствоваться одним лишь навабовским пловом; и тогда, словно по наитию, они стали употреблять в пищу, кроме карри и риса, некоторые блестящие лакомства на золотых блюдах и всячески себя потчевать, что, безусловно, нужно признать, было наиболее правильным из всех возможных вариантов показать миру свою истинную ценность» [Мамуд 2012: 410]. В словах Лебедева заключена издевка по отношению к членам Мадрасского совета Ост-Индской компании, которые правили значительной частью Южной Индии через своего ставленника, наваба (набоба) Карнатака Мухаммеда Али. Опутав его долгами, служащие компании в уплату сначала лишили его права сбора налогов, а затем постепенно и власти над всей территорией государства. Путем этого беспрецедентного ограбления многие нажили огромные состояния (см., напр.: [Антонова 1958: 195–198]).

В последнем же законченном абзаце текста «Меморандума» Лебедев, рассказав о том, что ему пришлось «разрушить театр и продать всякого рода материалы» за бесценок «на случайном аукционе», опять не может сдержать своих истинных чувств:

Публикуя эту записку, я преследую лишь одну цель: показать, сколь рискованно бывает отдельному человеку, какими бы великими ни были его заслуги и усилия, надеяться на то, что он получит какую-либо достаточную постоянную поддержку в поселении (месте), вся власть в котором принадлежит группе лиц (большая часть которых дурные (wicked), а меньшая — добродетельные люди), проживающих очень далеко от тех, перед кем они несут ответственность. Это особенно верно по отношению к чужестранцу, у которого нет других поводов просить о защите и поддержке, кроме своих профессиональных достоинств, которые, пусть и ничтожные, он всегда усердно пытался проявить и всеми способами развивать в меру своих ограниченных возможностей и талантов (курсив мой. — Я.В.).

Написав два слова следующего абзаца, Лебедев прекратил работу над «Меморандумом». Значительную часть этого текста он использовал потом, убрав все выпады в адрес колониальной администрации, в предисловии к своей опубликованной в Лондоне «Грамматике» [Lebedeff 1801].

Попытки смягчить конфликт: обращение к Р. Чэмберсу

Косвенным подтверждением того, что Лебедева преследовали и сочли подрывным элементом именно за его пьесу, служит эпизод с его обращением за помощью к сэру Роберту Чэмберсу.

До этого в ноябре или декабре 1796 г. Лебедев, тщетно пытавшийся призвать через суд к ответу разорившего его Джозефа Бэттла, разослал нескольким своим бывшим покровителям письмо, где излагал суть дела, прося у них совета и поддержки. Советник Ост-Индской компании и судья Джон Шоу на письмо не ответил. Ответили полковник и член Азиатского общества Джон Мёррей (Murray), полковник Александер Кид, сыну которого Лебедев пять лет давал уроки музыки, Фрэнсис Глэдвин, главный коллектор (сборщик налогов) Калькутты, а также известный филолог-иранист, член Азиатского общества, и, наконец, Джон Хайд — родственник и тезка покойного покровителя Лебедева судьи Хайда. Но, как мы узнаем из письма Лебедева к его русскому покровителю в прежние времена отцу Андрею Самборскому, мнение, высказанное в полученных ответах, было крайне скептическим:

Кем обманут и как и любят ли тебя учащая бенгальской язык, тебе лучше других надобно знать, и можешь догадаться, ради представления драм здесь, в твоём театре, не будет дана такая помощь, как театру компанейских слуг и людям аглинской нацы, и, быть может, потерявши последнее, будешь осужден и себя сокрушишь.

Подводя итог, Лебедев с грустью констатирует, что остался в одиночестве: «Друзья разъехались, знакомцы разбежались» [Антонова 1956: 173].

Здесь ему пришла мысль обратиться за помощью к человеку, с которым он был достаточно хорошо знаком¹⁰ и который представлял

¹⁰ В самом первом концерте-бенефисе Лебедева в Калькутте, состоявшемся 28 декабря 1787 г., принимала заметное участие как вокалистка леди Чэмберс, супруга сэра Роберта (см. рецензии в: India Gazette, or Calcutta Public Advertiser, vol. VIII, No 372 от 31 декабря 1787 г. [Мамуд 2012: 118] и Calcutta Chronicle and General Advertiser, Issue 102, January 3, 1788). Возможно, Лебедев бывал в доме Чэмберсов как участник их музыкальных вечеров или преподаватель музыки. Возможно также знакомство через других судей Верховного суда — Дж. Хайда и У. Джонса,

высшую судебную власть, будучи главным судьей Верховного суда в Форт-Вильям, т.е. к сэру Роберту Чэмберсу. Заметим, что одновременно он представлял и верхушку Азиатского общества, президентом которого ему предстояло стать через несколько лет. Возможно, Лебедев также знал, что Чэмберс в 1775 г. был одним из основных пайщиков при строительстве английского «Калькуттского театра» и оставался, по-видимому, его совладельцем. Все это вкупе позволяло Лебедеву думать, что он обращается к человеку, который, если пожелает, имеет власть оградить его от преследований.

4 февраля 1796 г. Лебедев послал Чэмберсу письмо, в котором обстоятельно описал мошеннические действия Дж. Бэттла, приведшие его к разорению. Он просил о личном свидании и выражал надежду, что светило юриспруденции посоветует ему, «какие меры необходимо принять для возмещения, которого так громко требуют нанесенные мне обиды» [РИО 1965: 427–428].

После копии этого письма (на английском) в тетради Лебедева имеется запись на русском, сообщающая о встрече с Чэмберсом и ее результатах:

На показанное письмо 4-го февраля 1797 года получил я словесное сие позволение: естли угодно могу его навестить (видеть).

Не преминул я того ж дня в вечеру отдать почтение и персонально главнаго судью опять уведомил о несносной неожиданной обиде, и что мое намерение представлять комедьи было месть. Не подорвать другой превосходной театр, а чтоб дать угодной случай учащимся европейцам, чрез обращение с гиндостанцами лутче научиться бенгальскому, шанскритскому и другим индостанским языкам. Сего ради как от ободрителя наук и художеств прошу покровительства и достоин ли спасти от раззорения, *сообщаю ему на рассмотрение комедию* и другия мои переводы.

Главнаго судьи мне ответ.

О решени[и] мое мнение я объявляю в присудственном месте, и приватно совету тебе дать не могу. Просмотреть твои переводы почти не имею времени. Однако же, естли изволишь их ко мне переслать, то может быть возьмею случай проглядеть! И по сем желал мне мой прежде великой знакомец доброй ночи. Речения его довольно показали, чего

или через Азиатское общество. Во всяком случае, Лебедев пишет о Чэмберсе: «мой прежде великой знакомец» [Антонова 1958: 186].

я могу ожидать по суду. Но однако ж, я послал к нему мои переводы 5-го февраля 1797» (курсив мой. — Я.В.) [Антонова 1956: 186].

Весьма вероятно, Лебедев принес на встречу 4 февраля или послал 5 февраля вместе с другими переводами Чэмберсу переписанный текст пьесы, в котором из сцены в адвокатской конторе были устранены наиболее острые моменты (как в московской рукописи). Несколько дней он, как можно понять, ждал реакции от Чэмберса и, не дождавшись, 11 февраля послал ему еще одно письмо, в котором писал:

... Благодарность и удовольствие, которые я испытываю при мысли, что Вы любезно снизошли прочесть мои слабые опыты (имею в виду алфавит и три личных склонения, кроме пьесы и книги моих переводов), поощряют меня просить Вас быть столь добрым указать те ошибки, которые Вы сочтете достойными замечания, и соблагоизволить вернуть их с подателем...

Он уже понимал, что не дожидется от «прежде великого знакомого» юридической помощи, и рассчитывал теперь получить скольконибудь благоприятный письменный отзыв на свою пьесу, хотя бы и самый краткий, хотя бы и сопровождаемый критическими замечаниями. Но искушенный Чэмберс явно не хотел давать Лебедеву возможность использовать такой отзыв для своей реабилитации. Поэтому он передал Лебедеву с выполнявшим, по-видимому, роль курьера серкаром (домоправителем) последнего устный ответ на оба его письма, очень короткий, на языке хинди [Антонова 1956: 186]. О пьесе Лебедева или других рукописях не было сказано ни слова. Суть ответа сводилась к тому, что Чэмберс готов рассмотреть претензии Лебедева к Бэттлу только в зале суда.

Дальнейший ход событий

Было ли это случайным совпадением или нет, но встреча Лебедева с Чэмберсом стала вехой, у которой кончился начальный период его злоключений, когда он сам тщетно пытался через суд обличить Бэттла и взыскать с него компенсацию за причиненный ущерб. Теперь начался период подлинных судебных преследований, объектом которых был уже он сам.

В марте 1797 г. Лебедев получил два письма от Джона Уэлча, человека, который требовал с него 240 рупий за работу, проделанную прежде в «Бенгальском театре». Лебедев через своего поверенного Тиррела Селби передал Уэлчу свое возмущение его неблагодарностью, поскольку никогда не заключал с ним письменного контракта, а просто поддерживал его, безработного и голодного, нанимая на временные работы за небольшие деньги и кормя за свой счет. Не исключено, что Уэлч был одним из тех временных работников, которых привел к Лебедеву Бэттл. Четвертого апреля пришло письмо от адвоката Уэлча Дж. Тейлора, который требовал немедленной уплаты долга, в противном случае обещая предпринять определенные действия для его взыскания. Лебедев в тот же день письменно отверг притязания Уэлча. Утром 8 апреля 1797 г. Лебедев был арестован по ордеру от шерифа, представленному в полицию адвокатом Тейлором. Он тут же обратился к судье Джону Шоу с просьбой освободить его до разбирательства дела под залог, равный сумме требуемого с него несуществующего долга (227 рупий). Судья ответил, что на это необходимо согласие адвоката Тейлора. Согласно записи Лебедева в его тетради, он встретился с Тейлором, был, по-видимому, освобожден, условился с Тейлором о встрече в назначенный день с Уэлчем. На эту встречу в доме адвоката Лебедев привел свидетелей, показавших, что притязания Уэлча ложны. Обвинение с него было снято, но в записи об этом он отметил, что «за арест... не получил никакого удовольствия», т.е. компенсации.

Третьего мая Лебедев получает повестку из калькуттского Court of Request (или Court of Requests — суд по взысканию долгов) с требованием явиться через несколько дней в суд по иску его бывшего садовника Ласкара¹¹ Мухаммада. Лебедев, по болезни, послал вместо себя знакомого европейца и своего серкара (домоуправителя)¹². Первый свидетельствовал о том, что требование садовника ни на чем не основано, второй заявил, что садовник ежемесячно получал жалование согласно договору, и Мухаммад это признал. Тогда судья

¹¹ Ласкар здесь, по-видимому, прозвище, указывающее на прежний род занятий садовника. В англо-индийском обиходе это слово обозначало индийца-солдата или моряка [Yule, Burnell 1996: 507–509].

¹² Серкар (хинди *sarkār*) — букв. «господин, глава», здесь: «управляющий (всем хозяйством дома)».

стал требовать от серкара, чтобы он «побожился», т.е. дал клятву на священной книге, а это противоречит нормам индуизма. Судья, согласно записи Лебедева, собственноручно вытолкал серкара взащей из зала суда. Узнав об этом, Лебедев, преодолевая болезнь, явился в суд и в ответ на угрозы судьи высечь серкара, если тот не даст присягу, указал на «*меново* законное приказание»¹³, т.е., по-видимому, на авторитет традиционного индуистского законодательства, которое обязаны были учитывать английские судьи. Таким образом, писал Лебедев, «я... уничтожил его гнев и спас моего серкара. Однако ж господин судья не оставил стараться пустошить наш кошелек чрез аресты, и чем забава его кончится, следующее покажет». Действительно, судья Дж. Аддисон взыскал с серкара некоторую сумму за отправленный ему вызов в суд [Антонова 1956: 190].

Всего неделю спустя после эпизода с серкаром 16 мая Лебедев был вызван в тот же Долговой суд по иску со стороны неких музыкантов. Как можно судить по записям Лебедева, только ходатайство давнего знакомого — главного калькутского налогового (коллектора) и в то же время видного ориенталиста¹⁴ Фрэнсиса Глэдвина побудило судью Аддисона предоставить Лебедеву трехмесячную отсрочку для выплаты долга [Антонова 1956: 190]. Тем не менее 1 июля от того же Аддисона пришло требование произвести первую выплату в сумме 16 рупий одному из этих музыкантов (или их представителю) Энтони де Суза. Лебедев напомнил Аддисону о данной им отсрочке, сообщив, что в данный момент не располагает даже столь незначительной суммой [РИО 1965: 458–459]. По мнению Х. Мамуда, иск со стороны музыкантов был единственно обоснованным, почему Лебедев и попросил отсрочки, все остальные иски были ложными [Мамуд 2012: 162].

В начале июня началась тяжба с владельцем дома, который Лебедев арендовал под свой театр, Джогоннатхом Гангули. Тот требовал

¹³ В индийской традиции первым законодателем считался мифический прародитель слепопотопного человечества Ману (у Лебедева — *Мену*). Речь здесь не идет об основополагающем древнеиндийском трактате «Ману-смирिति» («Законы Ману»), поскольку там не мог содержаться запрет клясться в суде на священном тексте (европейская практика).

¹⁴ Ф. Глэдвин известен своими переводами с персидского (часть «Айн-и-Акбари» Абу-л Фазла, «Гюлистан» Саади и пр.), а также «Историей Хиндостана» (1788).

с Лебедева через адвоката Д. Макнабба последнюю арендную плату плюс компенсацию за якобы причиненные дому разрушения. Лебедев настаивал, чтобы Гангули прежде возместил ему расходы на произведенный им ремонт здания. Это дело, скорее всего, закончилось достижением компромисса.

Двадцать третьего июня Лебедева вызывают повесткой в офис мировых судей в Форт-Уильям для разбора жалобы его служителя Бриддо (или Бриддо) о невыплате ему жалования. Хаят Мамуд пишет: «В бумагах Лебедева никаких сведений ни об этом Бриддо (или Бриндо?), ни о том, была ли удовлетворена его жалоба, или она тоже оказалась чистым вымыслом, не найдено» [Мамуд 2012: 161]. Однако Лебедев в посланной им в суд записке, объясняющей причину невозможности его явки в назначенный день, определяет должность Бриддо как *consomah*. Это англо-индийский термин персидского происхождения, обозначавший в Бенгалии времен Лебедева старшего из слуг, прислуживавших за столом. Англичане обычно переводили *consomah* (*consumah*, *khansama*) термином *steward* [Yule, Burnell 1996: 247]. Бриддо, следовательно, служил стюардом в доме Лебедева. Лебедев писал судье, что его поведение в отношении Бриддо было абсолютно оправданным, а подтвердить это и разъяснить дело в подробностях должен был мистер Даути (Doughty), принесящий записку Лебедева в суд.

Лебедев в это время уже дошел практически до нищеты, ему не хватало средств даже на то, чтобы оплачивать мелкие судебные расходы (например, стоимость написания повестки, которой его вызывали в суд). При этом у него самого были состоятельные должники, которые, если оплатили бы счета, материальное положение Лебедева тотчас поправилось бы. Упомянувшийся выше Фрэнсис Глэдвин должен был Лебедеву за «посещение концертов» (*attending the concerts*) 1800 сикка рупий [РИО 1965: 452–453]¹⁵. Полковник Александер Кид задолжал Лебедеву за уроки, который тот на протяжении пяти с половиной лет давал его сыну [Антонова 1956: 157]

¹⁵ Документ № 239 в сборнике документов 1965 г. [РИО 1965: 254] озаглавлен «Расписка Г.С. Лебедева в получении в оплату за его концерты 1800 рупий от члена Азиатского общества Ф. Глэдвина» по ошибке: слова “Contents recieved” — «Содержимое получил» не относятся к запрашиваемой сумме, а удостоверяют получение счета адресатом.

еще большую сумму — 4755 сикка рупий. Все просьбы Лебедева рассчитаться с ним высокопоставленные должники игнорировали.

К октябрю 1797 г. Г.С. Лебедев осознал, что избежать преследований можно лишь одним путем: покинув владения Ост-Индской компании. Но плавание пассажиром на корабле компании в Европу стоило больших денег. В этот момент Лебедев решил вновь обратиться на самую вершину пирамиды колониального правосудия. 27 октября он подает главному судье верховного суда Р. Чэмберсу петицию [РИО 1965: 462–463], в которой заявляет о своих претензиях к Александру Киду и Фрэнсису Глэдвину на суммы соответственно 4775 и 1800 сикка рупий — деньги, которые, как он пишет, покроют все издержки на его «возвращение в Европу с некоторыми удобствами». При этом он признает, что неспособен оплатить услуги ни своему юристу (attorney), через которого будет подан иск, ни судебному адвокату (advocate), и потому он просит позволить ему с этого дня выступать в качестве истца или ответчика “*forma pauperis*”, точнее: *in forma pauperis*, т.е. «по форме для неимущих».

Иск у Лебедева, по-видимому, не был даже принят, поскольку в конце ноября при посадке на корабль, увозивший его из Индии, он располагал лишь незначительной суммой, во много раз меньшей, чем обычная плата за проезд [Васильков 2012: 192].

Во всех своих судебных неприятностях Лебедев долгое время видел козни ненавистного ему Дж. Бэттла: «Второй руки законники, его друзья, беспокоят меня часто требованием заплаты ложных щотов, отчего, хоша и оправдаем первоначальными стряпчими (атторней эт ло), только сплотки эти отнимают время совершить мои розыски по желанию» (из письма о. А. Самборскому от 8 мая 1797 г. [РИО 1965: 449]). Нам же представляется гораздо более вероятным, что «второй руки законники» не угождали мелкому мошеннику Бэттлу, а прислушивались к мнению о Лебедеве главного «законника» британских владений в Индии Р. Чэмберса. О том, каким было это мнение, мы можем судить по результатам описанных выше обращений к Чэмберсу Лебедева.

Просматривается за упомянутыми Лебедевым «сплотками» (здесь, вероятно, в смысле «заговоров», сообща разыгрываемых интриг) и еще одна фигура весьма высокопоставленного лица: в прошлом главы Секретного департамента, а в 1797 г. генерал-

губернатора Бенгалии и одновременно президента Азиатского общества сэра Джона Шора. Именно он, скорее всего, после ходатайства И.Ф. Крузенштерна обязал капитана корабля “Lord Thurlow” Уильяма Томсона взять на борт Г.С. Лебедева в качестве почти бесплатного пассажира, сопроводив записку, по-видимому, устным предупреждением о том, что пассажир — личность подозрительная. Именно этим следует объяснять то, что Лебедев уже после первого посещения корабля писал Крузенштерну о возможности своей смерти во время плавания. Позднее заданный им одному из офицеров вопрос о координатах местонахождения судна подтвердил, по-видимому, худшие подозрения капитана. С этого момента с ним начали обращаться как с преступником: избивать, угрожать повешением. Только счастливое стечение обстоятельств и собственная находчивость позволили Лебедеву избежать гибели, сойдя на берег в Кейптауне (см. подробнее в: [Васильков 2012: 195–196]).

Подводя итог, констатируем: Г.С. Лебедев позволил себе в своем спектакле, представляемом индийцами и для индийцев, откровенно антиколониалистское выступление, встав на сторону своих индийских друзей, за что сразу же был разорен, доведен до отчаяния и едва не заплатил жизнью. Именно за это прежде всего так почитают Лебедева до сих пор в Индии. Хаят Мамуд пишет: «Низкий поклон ему лишь за одну бескорыстную любовь и уважение к Индии. Мы ценим и почитаем его не столько за его свершения, сколько за его подвижническое служение. Его любовь к нашей стране, перенесенные им тяжкие испытания делают его исключением в череде индологов-чужестранцев» [Мамуд 2012: 28].

Библиография

Антонова К.А. К истории русско-индийских культурных связей. Из трагедий Г.С. Лебедева (1795–1797 гг.) // Исторический архив. 1956. № 1. С. 156–195.

Антонова К.А. Английское завоевание Индии в XVIII веке. М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1958.

Ваняшова М.Г. Мельпомены ярославские сыны. Волков. Дмитревский. Лебедев. Ярославль: Александр Рутман, 2000.

Васильков Я.В. Новое о первом русском индологе: письма Герасима Лебедева И.Ф. Крузенштерну // Письменные памятники Востока. 2012. Вып. 1 (16). С. 188–206.

Гуськов Н.А. Проблема «склонения на русские нравы» в комедиографии Я.Б. Княжнина // Взаимодействие и взаимовлияние русской и европейских литератур. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 13–15 ноября 1997 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 110–114.

Дерюгин А.А. Содержание переводческого приема «склонение на наши (русские) нравы» // Известия Академии наук СССР. 1995. Т. 54. № 5. С. 61–64.

Мамуд Х. Герасим Степанович Лебедев / Пер. с бенгал. Е.К. Бросалиной, Е.А. Костиной и А.Л. Сладкова. Ярославль: Академия — 76, 2012.

РИО — Русско-индийские отношения в XVIII в.: Сб. документов. М.: Наука, 1965.

Синха Н.К., Банерджи А.Ч. История Индии / Пер. с англ., ред. и предисл. К.А. Антоновой. М.: Изд-во иностран. лит-ры, 1954.

Топоров В.Н. «Склонение на русские нравы» с семиотической точки зрения (об одном из источников фонвизинского «Недоросля») // Учен. зап. Тартус. ун-та. 1989. Вып. 855. С. 106–126.

Ямпольский М.И. Первый русский музыкант в Индии (из истории русско-индийских связей) // Музыка народов Азии и Африки. Второй выпуск. М.: Советский композитор, 1973. С. 239–259.

Cakrabartī Ālākkumār. Bharatpremik Liyebedef. Kalikātā: Śrī Narendrakumār Nāth, 1989.

A Code of Gentoo Laws, or, Ordinations of the Pundits, from a Persian Translation, made from the Original, written in the Shanskrit Language. L., 1796.

Curley T.M. Sir Robert Chambers: Law, Literature and Empire in the Age of Johnson. Madison: University of Wisconsin Press, 1998.

A Digest of Hindu Law, on Contracts and Successions: with a Commentary by Jagannāt'ha Tercapanchāna / Trans. from the Original Sanscrit by H.T. Colebrooke, Esquire, Judge of Mirzapore... In Three Volumes. L.: Wilson and Co. Oriental Press, 1801.

Lebedeff H. A Grammar of the Pure and Mixed East Indian Dialects, with Dialogs Affixed, Spoken in All the Eastern Countries... L.: J. Skirven, 1801.

Yule H., Burnell A.C. Hobson-Jobson: The Anglo-Indian Dictionary. Hertfordshire: Wordsworth Editions, 1996 (репринт издания 1886 г.).